

УДК 821.512.145

СТРУКТУРА СЮЖЕТА ТАТАРСКОЙ ПОВЕСТИ 70-Х ГОДОВ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Х.САРЬЯНА "ПЯТЕРО СЫНОВЕЙ
МАТЕРИ")

© Г.Р.Гайнуллина

В статье на примере повести известного прозаика Х.Сарьяна выделяется несколько взаимосвязанных особенностей эпического сюжета.

Ключевые слова: сюжетостроение, центральное событие, дубликация, эпическая ретардация, циклическая и кумулятивная схемы.

Как известно, выделяют несколько взаимосвязанных особенностей, которые определяются единым источником развертывания сюжета – основной (и обладающей "родовой" спецификой) сюжетной ситуацией [1: 233]. Согласно теории эпического действия, созданной Гегелем в результате осмысления природы древней эпопеи, "в основе эпического сюжета – ситуация, представляющая собой неустойчивое равновесие мировых сил; действие в целом – временное нарушение и неизбежное восстановление этого равновесия" [1: 233]. Симметричность сюжетостроения наиболее заметна в жанре повести [2: 27-28], так как в нем проявляется тенденция к дублированию всех основных событий, а не только к удвоению нового [1: 234].

Литературоведы отмечают, что появление новых тенденций в русской литературе конца 1950 – начала 1980-х годов связано с "переносом акцента с вопроса о взаимоотношении личности и государства (социальный аспект) на внутренний мир и личностные качества отдельного героя (нравственный аспект), причем героя "героического", не-борца, не-активиста, героя "как все" [3: 8]. "От изображения черт, приобретенных под воздействием социальных изменений и установлений, литература переходит (возвращается) к изображению черт народно-национальных, традиционных" [3: 8]. Литературовед Д.Загидуллина отмечает, что татарскую литературу 60-80-х годов прошлого столетия целесообразно было бы рассмотреть как литературу возврата к национальным истокам [4:18].

Классическая татарская повесть 60-80-х годов XX века пронизана пафосом трагизма, "противоречия происходят в душе героя, когда герой находится в ситуации свободного выбора между двумя равно необходимыми, но взаимоисключающими друг друга ценностями" [5: 66]

(А.Гилязов "Три аршина земли", "В пятницу, вечером", А.Баянов "В поисках юности" и т.д.). Рассмотрим повесть Х.Сарьяна (1930-1978) "Пятеро сыновей матери" ("Бер ананың биш улы", 1976).

Невозможность благополучного разрешения конфликта обозначается как на внешнем событийном уровне, так и на уровне организации повествования. Повествование начинается с представления "незаметного", "простого" героя Солтан – отца семейства, проработавшего всю жизнь плотником, не дожившего до сорока лет. Строение событийного ряда – уход Сирина из родного дома, смерть братьев Хавадиса, Мирзы, Раббани образуют "зеркальность". Повествователь, представленный читателю как один из младших сыновей матери Сирина, переживает непоправимые утраты, тем самым обретая себя, гармонию с миром. Смерть отца и гибель старших братьев Мирзы и Хавадиса открывают Сирина бесконечный путь, который соприкасается с широтой творческого порыва и поиска. Физическая смерть брата Раббани – завершающее звено в веренице событий – указывает на духовную деградацию и опустошение братьев Раббани и Сирина. Отметим, "противопоставление жизни и смерти является наиболее фундаментальным в культуре, к нему сводятся все другие противопоставления" [6: 504]. "Смерть символизирует тленность, непостоянство бытия, но также и откровение" [7: 368].

Духовное возрождение возникает как логическое завершение боли, утрат. Махисарвар – образ матери – самоотверженная, великодушная, добрая, открытая, способная на самопожертвование ради детей, рано оставшаяся без мужа и в мирное послевоенное время потерявшая трех сыновей, ассоциируется с "архетипическим образом матери в татарском литературоведении "Акъяби" [8:

155]. "Смерть – уничтожение навсегда связывалась с возобновлением, эволюцией. Это объединяет символику смерти с символикой матери и объясняет позу зародыша, придаваемую в доисторическую эпоху (ожидание возрождения, нового отправления по дороге жизни)" [7: 368]. Степень подлинности жизненных ценностей проверяется через сопоставление со смертью. Образ матери, преодолевшей боль, указывает на способность человека принять, вместить в сознание мрак смерти, боль утрат.

"Принцип дубликации может быть объяснен тем, что каждое отдельное событие проявляет сущность мира, которая заключается в единстве и равноправии противоположных сил или начал, одинаково необходимых для бытия" [1: 233]. Сыновья матери смотрят на мир "с точки зрения смерти" отца. Сирин констатирует реакции внутреннего мира на жизнь, и все они связаны с болью утраты отца: *"Без түгел абыйлар да эле уйнап уеннан туймаган бервакытта этиебезнең улеп китүе күкрәкләрдә мәңге бетмәс әрнү калдырды"* / *"В нас, еще не успевших наиграться детьми, потеря отца наложила неизлечимую боль на всю жизнь"* [9: 15].

Автор рисует всевозможные формы существования, избранные личностью. Различные срезы бытия накладываются друг на друга, давая в итоге отрицательный результат. Старший сын матери работяга Мирза, желая защитить невинного прохожего, погибает от рук хулиганов; ищущий смысл жизни, влюбленный в поэзию Г. Тукая, Хавадис умирает от болезни, не дожив до двадцати пяти лет; опустившийся алкоголик Раббани погибает бессмысленной смертью. Непрерывность утрат приводят и Сирину, покинувшего родной очаг в юном возрасте, познавшего любовь и вынужденно отказавшегося от любимой женщины, потерявшего троих братьев, к отчаянию: *"Бу кайгыларга ничек түзеп торасың икән акылдан язмыйча?"* / *"Как ты терпишь столько боли, мама, ведь можно сойти с ума"* [9: 174] – говорит он матери после смерти Раббани, схватившись за бутылку.

Х.Сарьян делает поворот от констатации отрицательной сути бытия к приятию, благодарности жизни: *"Тәүбә, диген, улым!.. Мин дә акылдан язсам, Раббани улымның бәбәйләрен кем карар?"* / *"Боже упаси, сынок! Если я сойду с ума, кто поможет вырастить детей Раббани?"* [9: 174]. Младший Адран, противопоставленный Сирину и Раббани, выражает авторскую идею. По Сарьяну, ценой утрат человек постигает смысл бытия, тем самым обретая гармонию.

Результатом равноправия двух несопадающих факторов сюжетного развертывания – инициативы героя и инициативы "обстоятельств" –

является вторая особенность – закон эпической ретардации [1:235]. Помимо событий, связанных с целью героя, в ней должно быть отведено место происшествиям, стечению обстоятельств. Это соотношение присуще и более современным образцам большой эпической формы, а отчасти жанру повести [1:235].

Пережившая войну без потерь мать смиренно принимает свою тяжкую судьбу без мужа: *"Улларымның кулыннан туфрак насып иткәндер инде, аллага шөкер"* / *"Слава Аллаху, сыновья живы, здоровы"* [9: 20], но сын Хавадис попадает в беду и заболевает, Раббани возвращается с войны с больной ногой. Похоронив Хавадис, Махисарвар не скрывает боль: *"Кызлардан да болайрак әдәпле ие шул... Жир куеннары өчен генә үскән икән буйлары. Төсө итеп карарга бәбәе дә калмады ичмасам"* / *"Такой сдержанный был и спокойный, как девочка. Земля взрастила и забрала его молодого. И ребеночка ведь не оставил, не женился"* [9: 96].

Тем временем в Уфе доучивается Сирин, но долго не возвращается домой, Раббани приезжает к брату, чтобы вразумить. Редкий гость дома и старший сын матери Мирза, который женился на милой крымской татарочке Нилофар. Мать с пониманием относится к уходу сыновей. В самом неожиданном повороте судьбы – похоронах старшего сына в день свадьбы Сирин – мать становится примером мужества и стойкости для своих сыновей. На вопрос Сирин, что делать со свадьбой, она отвечает: *"Туйга килгән кешене кире кулар димени? Ходай Тәгалә безгә биргән үлемнең ахыры хәер-догалы булсын – ясагыз тугеизны, улым. Гомер гомергә ялганмый, юньле туй да бер генә кил"* / *"Разве отменяют свадьбу? Боженька сам нам поможет справиться с бедой, а вы не отчаивайтесь. Каждая судьба неповторима. Каждая свадьба – божественный замысел"* [9: 144-145].

Утраты, смерть самых близких людей приближают Махисарвар к сути бытия. Смерть Раббани она восприняла иначе. Напомним, после утраты мужа она посвятила свою жизнь детям, но ощущение горя не покидало ее. Циклическое обрамление: в завершающем событии мать, осознавшая, что самопожертвование ради детей и внуков является единственным способом преодоления мрака и боли, обретает радость жизни, т.е. "мудрость и духовную высоту по ту сторону рассудка" [10: 333].

"Эпическое изображение всегда ставит препятствия перед конечным разрешением, благодаря чему возникает "повод представить нашему взору всю целостность мира и его состояний, ко-

торая иначе никогда не могла быть высказана" [1: 234]. Повествование ведется от лица Сирина, в внутреннем монологе персонажа и заключен главный интерес произведения. Здесь кумулятивная часть сюжета играет ретардирующую роль. Восемнадцатилетний молодой Сирин с намерениями получить образование покидает родной очаг, первую любовь. Однако, приехав в Уфу, теряется в чуждом для него пространстве. Взрослую помощницу Любовь Сергеевну он воспринимает как добродетель, посланный свыше. Потерявшая любимого мужчину на войне и пережившая обман и предательство другого мужчины, Любовь Сергеевна, увидев в Сирине настоящего защитника, пытается спрятать душевную боль за широкими плечами юноши. Они начинают вместе новую жизнь, но втайне от родственников Сирина. Он не может ездить домой, представить избранницу матери, а женщина тем временем обретает новую боль – вынужденную утрату дорогого человека. Она отпускает Сирина сама, прекрасно понимая, что разница в возрасте, воспитании со временем станут причиной разрушения любви. Любовь Сергеевна мирится с болью, которую обрела "по собственному желанию", но взамен обретает радость семейного благополучия, выходит замуж за достойного мужчину, который становится настоящим защитником ей и ее ребенку. Сирин же в поисках семейного счастья, гармонии женится на воспитанной городской, расчетливой Диларе. Поиск душевности, взаимной любви, доверительных отношений приводят его к размышлениям.

Встретившись с Любовью Сергеевной спустя годы, будучи мужем и отцом, Сирин понимает, что благоразумная женщина была права, отказавшись от его предложения руки и сердца. Он смиренно принимает боль утраты любимой, но смерть третьего брата Раббани воспринять он не в силах. Опустошенный, вынужденный мириться с непрерывными утратами, Сирин, в отличие от младшего брата Адран, который стойко защищает мать и честь их рода, еще не осознал свою собственную значимость, не обрел мудрость приятия боли и благодарности жизни.

В событийном ряду мы наблюдаем и третью особенность сюжетостроения – равновесие и равноправие случая и необходимости. "Необходимость и случай связаны с категориями Хаоса и Порядка. Для эпики в целом характерно равноправие этих начал, а иногда – прямое осмысление их противостояния в качестве основной сюжетной ситуации" [1: 236].

При статике общей сюжетной ситуации (смерть отца, трагедия романтического героя Хавадиса, драма жизни потерянного Раббани являются непреложной необходимостью в сюжете) "случай может выступить в качестве элемента динамики, без которого невозможна смена временного нарушения этой ситуации с ее последующим восстановлением" [1: 236] (случайная смерть Мирзы накануне свадьбы Сирина). Безудержная и жертвенная любовь Мирзы и Нилюфар является единственным светом во мраке смерти.

Равноправие циклической и кумулятивной схем (четвертая особенность), непосредственно связанное с соотношением случая и необходимости, обуславливают случайность на первой взгляд несправедливой утраты. Оказавшись во мраке отчаяния в самый светлый день, Сирин спустя время воспринимает любовь как единственный путь к гармонии и миру.

Дублируется главное событие, соблюдается и условность границ сюжета (пятая особенность), сущность мира, которая раскрывается в эпической ситуации, остается неизменной.

1. Теория литературы. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН. – 2003. – Т. III. – 592 с.
2. Тамарченко Н.Д. О смысле "Фаталиста" // Русская словесность. – 1994. – №2. – С.27-30.
3. Богданова О.В. Современный литературный процесс (К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70-90-х годов XX века: материалы к курсу "История русской литературы XX века (часть III)". – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – 2001. – 252 с.
4. Заһидуллина Д.Ф. XX гасырның икенче яртысы татар әдәбиятын өйрәнү мәсьәләсе // Әмирхан Еники һәм XX йөз татар әдәбияты. – Казан: РИЦ "Школа". – 2009. – Б.13-18.
5. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособ. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
6. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: "Аграф", 2001. – 608 с.
7. Жюльен Н. Словарь символов. Иллюстрированный справочник. – Челябинск: "Урал LTD", 1999. – 498 с.
8. Заһидуллина Д.Ф. Яңа дулкында // Казан утлары. – 2003. – №1. – Б.153-159.
9. Сарьян Х. Бер ананың биш улы. Повесть, хикәяләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2000. – 303 б.
10. Аналитическая психология и психотерапия / сост. и общ. ред. В.М.Лейбина. – СПб., 2001. – 512 с.